

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: ВЫБОР ОБЪЕКТА КРИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ А. М. ГОРЬКОГО)

В. Ю. Меринов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Поступила в редакцию 26 мая 2016 г.

Аннотация: в статье анализируются функции и назначение общественно-политической журналистики в тоталитарной политической системе. На примере постреволюционной публицистики А. М. Горького рассмотрены объекты социальной критики.

Ключевые слова: Горький, тоталитаризм, публицистика, советская журналистика, социальная критика, культура.

Abstract: the article analyzes the functions and purpose of social and political journalism in a totalitarian political system. We are considering the objects of social criticism on the example of post-revolutionary journalism of A. M. Gorky.

Key words: Gorky, totalitarianism, journalism, soviet journalism, social critic, culture.

При изучении журналистики, и в первую очередь общественно-политической журналистики советского периода отечественной истории, необходим системно-аналитический подход, который мы понимаем как синтез филологических методов изучения текста (поэтики, стилевых и жанровых особенностей и т. д.) с анализом общественно-исторических (цивилизационных) процессов. С октября 1917 года в большевистской России начинает активно формироваться государство нового тоталитарного типа. Чертами этого культурно-государственного организма явились: единственная и массовая партия, недемократически выстроенная и несменяемая вертикаль власти, тотальный контроль власти над гражданами, идеократия [11].

Левый тоталитаризм советского образца представлял собой уникальную систему – в том смысле, что Слово и Реальность в нем существенно расходились [6]. Лево-демократический дискурс, в основе которого были понятия и политические институты «свобода», «демократия», «право», «права», «выборы», «республика», «парламент» («верховный совет»), «федерация», «самоуправление», «народовластие» и т.п., не столько искажался, сколько скрывал настоящую действительность, реальное положение дел. В условиях тоталитарного строя эти базовые понятия (институты) меняли свою онтологию и становились превращенной формой (термин К. Маркса). То есть под «старыми» наименованиями (структурами) формировались новые внутренние связи, отношения и функции в обществе, противоположные по своему смыслу и назначению. От «старого»

социального института оставалась только демократическая видимость – слово-маска, учреждение-фасад [1]. Декоративную и репрессивную сущность только нарождающегося общества рассмотрели многие отечественные мыслители и писатели (Н. А. Бердяев, Н. А. Бунин, В. В. Набоков, М. А. Булгаков, А. И. Замятин, И. С. Шмелев и др.). В их творчестве тоталитарный мир предстает как мир-оборотень, мир кажимости и опрокинутых смыслов, мир-ловушка, опасный для доверчивых простаков.

В отечественной журналистике процесс трансформации её в превращенную форму начался сразу и стремительно развивался на фоне укрепления власти большевиков. Журналистика – феномен европейской городской культуры (её общественной полифонии) и явление свободного духа Просвещения. Журналистика (вместе с другими элементами гуманитарной сферы) явилась своего рода машиной современной цивилизации, гражданской активности, вырабатывающей Правду. Это – правда разных автономных миров, обладающих субъектностью (отдельных журналистов, редакций, партийных изданий, творческих групп и т. д.). Она диалогична, противоречива, незакончена, субъективна и объективна одновременно [8]. Важно, что эта Правда обладала и еще одним важным качеством, – в целом, она гуманистична. Так или иначе, точкой сопряжения равнодействующей общественных журналистских (шире – гуманитарных) сил стал простой («маленький») человек. А его защита стала сокровенным делом (самой сутью) журналистики (гуманитаристики) её определяющим (типологизирующим) качеством как сферы социальной деятельности. Это довольно легко прослеживается даже при поверхностном знакомстве с материа-

лами российских дореволюционных общественно-политических газет и журналов, критично настроенных против проводимой правительством политики, против войны и т. п. К примеру, в петербургском политическом журнале «Адская почта» «... были напечатаны изречения и правила Иегудия Хламыды (М. Горького), в которых едко высмеивалась реакционная политика царского правительства. Большое место занимали карикатуры на царских министров – Горемыкина, Игнатьева, Дурново...» [10, 291]. Критикой властей наполнены издания «Мысль», «Новая мысль», «Новая жизнь», «Северный вестник», «Забайкальский рабочий» и т. д.

Формирующаяся тоталитарная политическая система исходила из других приоритетов. Главной ценностью и единственным субъектом действия (осмысления, воли) тоталитарного мира признается его сакральный Центр – вождь (инварианты: коллективный вождь (Политбюро – ЦК – партия). В этой ситуации все остальные сферы (институты, организации) государства и общества, лишённые субъектного начала, наделены лишь инструментальной функцией. Их существование оправдывается необходимостью участия в сокровенном деле тоталитарного общества, конечном (вершинном) смысле каждого социального поступка – сохранении и оберегании власти Центра.

Важнейшую роль в этом процессе, кроме милитаристских и парамилитаристских репрессивных объединений (армии, Красной гвардии, НКВД, ГПУ, «народной дружины», гестапо, СС, СД, Штази и проч.), играет гуманитарный сектор. Фундаментальной составляющей тоталитарной системы является монополия власти на Слово (картину (видение) мира). Эта монополия реализуется в политике беспрецедентного давления и/или прямого огосударствления СМИ, творческих организаций в области искусства и культуры. Таким образом, журналистика тоталитарного периода из сферы автономной деятельности, разномыслия и свободы, контроля общества над властью, защиты «маленького» человека, трансформируется в свою противоположность – инструмент подавления свободы и разномыслия, инструмент контроля власти над обществом и давления на «маленького» человека. Мы полагаем, что дефиниции «советская журналистика» («тоталитарная журналистика») крайне противоречивы и представляют собой не что иное, как терминологический тоталитарный оксюморон. В тоталитарном мире нет места журналистике как субъектной деятельности, направленной на поиск Правды, есть ведомства единого тоталитарного механизма, только называющие себя общепринятыми терминами с целью сокрытия реальности и решения сакральной задачи сохранения власти.

Т. н. «советская журналистика» с самого начала своего существования выдает себя как инструмент

дегуманизации общества. Так, дегуманизация проявляется в инверсионном (от лат. *inversio* – переворачивание, перестановка) характере воздействия на объект критики. В центре тоталитарного метаконфликта – эпическая борьба Власти (олицетворяющей Порядок) с силами Зла (Хаоса). Это может выглядеть как великое противостояние мира Правды (СССР) с иноземным миром Кривды (мировой буржуазией) и/или как внутреннее сражение. Последний конфликт разворачивается в нескольких плоскостях: как противостояние с внутренними оппонентами («врагами народа») и как борьба за душу пограничного (неопределившегося) героя (своего рода, оглашенного тоталитарного мира). В обоих случаях характер воздействия на объект предполагает его полное пересотворение, преобразование или уничтожение.

Дегуманизация проявляется и в самом выборе объекта воздействия. Этим объектом (кроме случая противостояния с недостижимым «миром империализма») является как раз «маленький человек» социалистического мира. Особенностью тоталитарного политического проекта является то, что «маленькими» в этом мире являются все, кроме вершины власти. Эта социальная конфигурация выявляет сущность тоталитаризма как тотально-репрессивного феномена. Система направлена на принципиальное уничтожение самого типа «маленького» (слабого, маргинального, неопределившегося, сомневающегося, колеблющегося, раздумывающего) человека. Т. н. «советская журналистика» (публицистика), как правило, выступает здесь важнейшим (совместно с карательными ведомствами, занимающимися прямыми репрессиями) инструментом насилия со стороны власти. Наибольшему воздействию подвергаются социально незащищенные слои населения, лишённые защиты не только в советском суде, но и в советской прессе (гуманитарной сфере).

Как ни парадоксально это звучит, но советизация (как дегуманизация) журналистики (публицистики) проявила себя довольно отчетливо в первых антисоветских публицистических сочинениях А. М. Горького постреволюционного периода, объединённых под общим названием «Несвоевременные мысли» (далее – «НМ»). «НМ» относительно недавно появились в отечественной печати и вызвали массу комментариев и исследований [2]. Их основной пафос можно свести к нескольким тезисам: 1. Горький – гуманист, он выступает против политического террора большевиков. 2. Писатель взывает к Культуре как альтернативе уличной анархии.

Кажется, что Горького действительно трудно заподозрить в симпатии к политической силе, которую он так неистово разоблачает. Однако дальнейший ход событий (возвращение в конце 1920-х гг. из эмиграции, близкие отношения со Сталиным и поддержка сталинского режима) заставил некоторых

исследователей искать в творчестве писателя внутренние связи и делать выводы о его ценностно-идеологической «целостности» [5], об опасных свойствах европейской «логики господства» Горького [9] и т. п. Мы полагаем, что в случае с Горьким произошло совпадение авторского мировидения с формирующимся тоталитарным.

Примером того, как только ищущая свою превращенную форму постреволюционная журналистика использовала «старую» терминологию («старые мехи»), насыщенную гуманистическими смыслами, для целей, связанных с насилием и дискриминацией, может служить понятие «культура». Показательно, что частотность употребления лексемы «культура» в публицистике и выступлениях Горького после революции 1917 года многократно увеличивается. Возможно, это обстоятельство и роль самого писателя в спасении известных представителей культуры подкупало исследователей и, в какой-то мере, мешало адекватно разобраться в авторской терминологии. Между тем эта дефиниция чрезвычайно объемна и вступает в различные смысловые связи с такими понятиями, как образование, грамотность, технический прогресс, труд, светлая («здоровая») сторона личности человека, общественный активизм, и, в конце концов, социализм.

Стать «культурным», по Горькому, значит не просто быть образованным, воспитанным и т. п., это значит – стать другим человеком, полностью отказаться от своего «ветхого» Я и перейти в разряд Героев – светлых и радостных носителей «прекрасного» духа социализма. Такими героями для Горького стали представители «рабочей интеллигенции», которые «... не щадя себя, ежедневно рискуя своей свободой...», «с честью и успехом» борются «... за торжество своих идей, неуклонно внося в темную рабочую массу свет социального самосознания, указывая ей пути к свободе и культуре» («НЖ», № 194, 6(19) дек. 1917), или – «вечный революционер», романтик революции «... дрожжа, непрерывно раздражающая мозги и нервы человечества, ... гений, который, разрушая истины, созданные до него, творит новые, ... скромный человек, спокойно уверенный в своей силе, сгорающей тихим, иногда почти невидимым огнем, освещающая пути к будущему», или герои-великомученики «ради свободы», «красивейшие люди земли» («НЖ» № 109 (324), 6 июня (24 мая) 1918).

Сам по себе образ нового культурного героя имеет много общего с персонажами ранних произведений писателя. Общеизвестно, что в своих художественных произведениях «ранний» Горький создавал «романтические» образы людей (и других существ) – ярких, отважных, гордых (Макар Чудра, Челкаш, Данко, Сокол, Буревестник и т. д.). Эти герои резко контрастировали с обыденной действительностью, серой, «свинцовой», давящей все смелое

и живое. Однако было, по крайней мере, одно существенное отличие. «Романтический» герой раннего творчества был далек от политических баталий. Сосуществование с «ужами» и «пингвинами» воспринималось им и автором как досадная неизбежность и только оттеняло романтический характер. В начале XX века романтический образ бунтаря обрёл дополнительные социальные и политические черты. Персонажи стали носителями политических идей. Думается, мы не погрешим против истины, сказав, что эволюция Горького-художника состояла, кроме всего прочего, еще и в том, что политический и публицистический аспекты в его творчестве набирали всё большую силу и вес. Набирали большую силу и упреки Горького, направленные не только на власть, но и в значительной степени на социальные низы общества. Антитезы крестьянин – босяк, крестьянин – пролетарий, крестьянин – горожанин, мещанин – активный творец новой культуры, так или иначе, пронизывают большинство сочинений Горького (от раннего «Челкаша», до таких сочинений, как «Две души», сб. «По Руси», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Городок Окуров» и т. д.).

Итак, Горький объявил носителями «культуры» неких особенных людей, обладающих уникальными человеческими качествами («Прометеевым началом»). Несомненно, что в этой фигуре воплотилась идея качественного превосходства одного типа человека над другим. «Другим» объявляется обычный человек – «обыватель», «мещанин» «крестьянин», тот социальный тип, который традиционно в русской демократической литературе и критике (Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, И. С. Шмелев и др.) определялся как «маленький человек», жертва обстоятельств и несправедливости, нуждавшийся в защите. Именно он под пером Горького приобрел черты абсолютного Зла.

До революции эта позиция, как одна из точек зрения полифонической культуры России, не имела угрожающих последствий для конкретных людей и слоев населения. Ситуация полностью изменилась с приходом к власти тоталитарной силы, с нарастанием политики социальной сегрегации и на фоне общего политического несправедливости. На первый взгляд, в «НМ» Горький еще в равной степени бьет по «штабам» и по низам. Однако те же большевики разоблачаются им как провокаторы, сознательно использующие худшее, что только может быть на свете – звериные, анархистские инстинкты низов. По мысли Горького «... он (Ленин – М. В.) не знает народной массы, ... всего легче – разъярить ее инстинкты» («НЖ», № 177, 10(23) ноября 1917) [Здесь и далее цит. по 4]; «Раздраженные инстинкты этой темной массы нашли выразителей своего зоологического анархизма, и эти вожди взбунтовавшихся мещан ныне, как мы видим, ... развивают пугачевщину, а не социализм, и всячески пропагандируют

всеобщее равенство на моральную и материальную бедность («НЖ», № 194, 6(19) дек. 1917). Власть плоха не сама по себе, она плоха, потому что поощряет «мещанству» и «анархии»: «Анархия привита нам монархическим строем, это от него унаследовали мы заразу» («НЖ», № 18, 9(22) мая 1917). Горький убежден, что народу свойственен «анархизм», который легко может «... пожрать свободу» («НЖ», № 1, 18 апр. (1 мая) 1917). Социальный низ, «обыватель», «мещанин» стал едва ли не основной угрозой нового мира, «культуры»: «... мы живем в дебрях многомиллионной массы обывателя, политически безграмотного, социально невоспитанного. Люди, которые не знают, чего они хотят, – это люди опасные политически и социально. Масса обывателя еще не скоро распределится по своим классовым путям, ... она будет питать своим мутным и нездоровым соком чудовищ прошлого, рожденных привычным обывателю полицейским строем... ..Всюду, внутри и вне человека, опустошение, расшатанность, хаос («НЖ», № 1, 18 апр. (1 мая) 1917); «Людей, духовно нездоровых, среди нас слишком много, – события угрожают еще увеличить количество таковых («НЖ», № 8, 27 апр. (10 мая) 1917); ... Крестьянство, жадное до собственности, получит землю и отвернется, изорвав на онучи знамя Желябова, Брешковской («НЖ», № 16, 6(19) мая 1917). Образ социальных низов, как правило, дан на фоне уличных массовых беспорядков, убийств, насилия, грабежей. Именно это состояние «озверения», по мнению Горького, и есть истинное состояние человека прошлого, прошлой культуры.

Вершиной подобного отношения к социальному низу и маленькому человеку в постреволюционный период можно назвать статью Горького «О русском крестьянстве» (1922). Статья писалась уже в совершенно новых политических условиях, когда крестьянство оказалось в самом центре большевистской репрессивной политики т. н. военного коммунизма. Следствием полного политического бесправия и волюнтаризма власти стал страшный голод, свирепствовавший в 35 российских губерниях в 1921–1923 гг. (т. н. «голод в Поволжье»). Казалось, Горький, находясь в эмиграции и имеющий возможность говорить о чем пожелает, напишет о трагедии, унесшей миллионы жизней. Однако откликов, кроме воззвания 13 июля 1921 года к мировому сообществу не допустить их гибели, мы не находим. Вместо сочувствия к страждущим и погибшим, трезвой оценки политического бесправия миллионов людей, критики власти, в статье «великого гуманиста» представлены размышления и описания «звериного» нрава самого русского крестьянства [5].

Противостоит «анархии», «анархизму» маленького человека, его темному крестьянскому, мещанскому «нутру», «звериному быту», т. е. фактически самому маленькому человеку, «рабу» мира прошло-

го, «Культура». Носителем «культуры» человек, пока он «маленький» (тем более самостоятельно собравшись в толпу), быть не может. Поэтому его общественная ценность фактически равна нулю. Так возникает идея тотального пересотворения-уничтожения маленького человека по единственному «образу». Именно горьковский культурный герой, создатель новой культуры, предстает как фигура наиболее опасная для мира маленького человека, призванная полностью заместить его собой на будущей социальной лестнице существ. Горький воспринимает его как архимедов культурный рычаг, извне давящий на «вялую душу» маленького человека и принуждающий его к перерождению.

Подведем краткий итог.

Анализ журналистики советского периода необходимо проводить в тесной связи с пониманием её места и назначения в тоталитарной системе. Мы полагаем, что постреволюционная общественно-политическая журналистика активно шла к своей превращенной форме. Это движение мы рассмотрели на примере публицистического творчества стержневой фигуры своего времени – А. М. Горького. Одной из важных примет, свидетельствующих о процессе дегуманизации журналистики, явилось отношение к т. н. «маленькому человеку». Так, понятие «культура» выступает в публицистике Горького как сегрегационная категория, механизм давления и репрессии в отношении недостаточно «культурного» социального низа (крестьянство, «бывшие люди», политические оппоненты). В новых социальных условиях эти группы населения оказались наиболее незащищены от произвола власти, объявлены заведомо худшими (некультурными, темными). Понятие «культура» рассматривается Горьким практически вне связи с нравственными категориями гуманности, сочувствия, сострадания к реально существующему человеку. «Культура», в контексте нового мира, раскрывается как тоталитарное понятие-оборотень и оборачивается своими внекультурными, разрушительными смыслами в отношении накопленного социального опыта, отрицанием существующего «маленького человека», вместо которого предлагался единственный перспективный для воспроизводства социальный тип – Герой. Слово-понятие «культура» (в горьковской интерпретации) становится важным элементом формирующегося тоталитарного дискурса насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт. – Москва : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. Баранов В. И. Максим Горький : подлинный или мнимый / В. И. Баранов. – Москва, 2000; Басинский П. В. Горький / П. В. Басинский. – Москва : Молодая гвардия, 2005. – 451 с.; Басинский П. В. Страсти по Максиму : Девять дней после смерти / П. В. Басинский. – Москва : АСТ :

- АСТРЕЛЬ, 2011; Ваксберг А. И. Гибель Буревестника / А. И. Ваксберг. – Москва. Горький : последние двадцать лет. – Москва : Terra-Спорт, 1999. – 396 с.; Гавриш Т. Р. «Жизнь Клим Самгина» А. М. Горького в литературном процессе 1920 – начала 1930-х годов / тема диссертации и автореферата по ВАК 10.01.01, кандидат филологических наук 1999; Литературный процесс и судьбы цивилизации XX века / [под ред. А. Б. Удодова]. – Воронеж : ВГПУ, 2002. – 139 с.; Примочкина Н. Н. Писатель и власть : М. Горький в литературном движении 20-х годов / Н. Н. Примочкина. – Москва : РОССПЭН, 1998; Руднева Е. Г. Публицистика М. Горького в контексте истории / Е. Г. Руднева // РЖ ИНИОН РАН. Сер. 7. Литературоведение. – 2008. – № 2. – С. 35–40; Савинкова Т. В. Цикл М. Горького «Публицистические статьи» : автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Т. В. Савинкова. – Н. Новгород, 1993; Спиридонова Л. Горький : диалог с историей / Л. Спиридонова. – Москва : Наследие, 1994; Спиридонова Л. А. М. Горький : новый взгляд / Л. Спиридонова. – Москва : ИМЛИ РАН, 2004; Горький, Шмелев, Тэффи и др. / К 80-летию Л. А. Спиридоновой и 50-летию ее работы в ИМЛИ РАН им. М. Горького. – ИМЛИ РАН, 2015. – 272 с.; Сухих С. И. Заблуждение и прозрение Максима Горького / С. И. Сухих. – Горький, 1992; Усенко Е. А. Эволюция представлений о своеобразии М. Горького – художника в филологической науке рубежа XX–XXI веков (К истории вопроса) / Е. А. Усенко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук / т. 14. – 2012. – С. 788–792; Удодов А. Б. М. Горький. Преодоление мифа / А. Б. Удодов // Горький М. Проза. Драматургия. Публицистика. – Москва : АСТ; Олимп, 1996. – С. 656–668.
3. Быков Д. Был ли Горький? : [биограф. очерк] / Д. Быков. – Москва, 2008.
4. Горький М. Несвоевременные мысли / М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. – Москва : ГИХЛ, 1953. Том 27. Статьи, доклады, речи, приветствия (1933–1936). – URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennnye_mysli.shtml
5. Горький М. О русском крестьянстве. – URL: (<http://www.gyrnal.ru/udk/ru/0/>)
6. Меринов В. Ю. Псевдodemократическая лексика в советском тоталитарном (политическом) дискурсе / В. Ю. Меринов // Современный дискурс-анализ. Электронный журнал. – Вып. 14. 2016. – С. 12–19.
7. Меринов В. Ю. Советская журналистика 30-х – нач. 50-х годов как искусство соцреализма. Положительный герой. Научный результат / В. Ю. Меринов. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. – 2015. – № 3(5). – С. 55–66. DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-55-66
8. Меринов В. Ю. Советская журналистика 1930-х – начала 1950-х гг. как культурный феномен. Раздел 2. «Советский период отечественной культуры» : учеб.-метод. пособие по дисциплине : «Отечественная культура XX – начала XXI вв. и массмедиа» / В. Ю. Меринов. – Белгород : ИП Остащенко А. А., 2015. – 132 с.
9. Парамонов Б. М. Плебей на пути к культуре : полу юбилей Максима Горького / Б. М. Парамонов, И. Н. Толстой. – URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24937934.html> (дата обращения: 24.03.2013).
10. 300 лет российской печати / [ред. сост. И. Яковенко, Л. Жуковская, И. Соколова и др.]. – Москва : «Известия». 2003. – 562 с.
11. Фридрих К. Тоталитарная диктатура и автократия / К. Фридрих, З. Бжезинский. – URL: <http://web.archive.org/web/20071010203916/http://auditorium.ru/books/1224/ch2r2.pdf>

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Меринов В. Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики

E-mail: merinov@bsu.edu.ru

*Belgorod State National Research University
Merinov V.Y., Candidate of Philosophy, Associate Professor
of Journalism Department
E-mail: merinov@bsu.edu.ru*